

О. В. Перзашкевич

Белорусский государственный университет, Минск

A. Perzashkevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(5)+323.17

ТРАДИЦИИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАРОДА В ИНДОИРАНСКОМ МИРЕ И ИХ ПОНИМАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ

TRADITIONS OF SELF-IDENTITY OF PEOPLE IN THE INDO-IRANIAN WORLD AND THEIR UNDERSTANDING IN MODERN IRAN

Вопросы самоидентификации являются для жителей Ирана первостепенными уже не одну тысячу лет, начиная с древности, когда и сложился индоиранский мир, и оставаясь таковыми во на рубеже I и II тысячелетий нашей эры. Концепция «меллат-е Иран», предложенная руководством Исламской Республики Иран, имеет глубокие исторические корни не только в Иране, но и в Азии в целом. «Меллат-е Иран» гораздо ближе к древней модели самоидентификации ārya, чем к ветхозаветной еthnos (gōy) и производной от нее национальной западной. Существующая модель государственного устройства Исламской Республики Иран имеет известное сходство с древнеиндийским rāṣṭra, вследствие чего принципиально отличается от моделей, сложившихся в рамках политогенетических процессов, имевших место в истории цивилизации Запада.

Ключевые слова: самоидентификация; «меллат-е Иран»; ārya; eθnos (gōy); Исламская Республика Иран; доисламские реалии.

Matters of self-identity have been paramount for the inhabitants of Iran for thousands years, starting from antiquity, when the Indo-Iranian world had taken its shape, and having preserved its importance at the turn of I - II millennia AD. The concept of “mellat-e Iran”, proposed by the leadership of the Islamic Republic of Iran, has deep historical roots not only in Iran, but also in Asia as a whole. “Mellat-e Iran” is much closer to the ancient ārya model of self-identity than to the Old Testament eθnos (gōy) and its Western national derivatives. The existing model of government of the Islamic Republic of Iran has a certain similarity with the ancient Indian rāṣṭra, because of which it is fundamentally different from the models that developed within the framework of political genetic processes that took place in the history of Western civilization.

Keywords: self-identity; “mellat-e Iran”; ārya; eθnos (gōy); Islamic Republic of Iran; pre-Islamic realities.

История иранских народов традиционно привлекает внимание исследователей. Ведь она прямо касается не только становления и развития крупных держав (например, Газневидов, сельджуков или Сефевидов), но и распространения и закрепления в Азии ислама, а также многочисленных аспектов, связанных с взаимодействием степных, мусульманских и древних восточных традиций. Важную роль в понимании вышеуказанного играют и вопросы идентичности, и, прежде всего самоидентификации. Немалый интерес представляют также взгляды отдельных личностей, оказавших за-

метное влияние как на ход исторических событий в целом, так и на упомянутые выше его составляющие.

В данном случае речь пойдет о понимании национального государства создателями Исламской Республики Иран, в том числе и вождем революции 1979 г. имамом Рухоллой Мусави Хомейни.

Любая победившая революция (если это действительно революция) по определению разрушает существовавшее до нее государственное устройство, а с ним и социальную базу, на которую последнее опиралось. И если речь не идет о мировой революции, то таковые изменения происходят внутри отдельно взятой страны, затрагивая все слои проживающего там населения. Именно такая революция и произошла в Иране в феврале 1979 г.

Исследователи этих событий, как правило, делают акцент на их антиколониальной или антизападной направленности, вследствие чего происходившее в Иране рассматривается, прежде всего, как очередной этап национально-освободительного движения, локомотивом которого была мелкая и средняя иранская буржуазия [1, с. 11–12].

Тем не менее, совершенно очевидно, что изначально во главе этой революции стояли исламские религиозные деятели, и среди революционеров преобладали исламские лозунги. Нет никакого сомнения в правоте того, что иранские события 1979 г. называются Исламской революцией. И если первоначально ислам революционеров теоретически еще можно было рассматривать как знамя борьбы с иностранным и инокультурным засильем, то к настоящему времени совершенно очевидно, что ислам Иранской революции 1979 г. был не только формальным поводом для объединения. Эта религия стала основой нового государственного строительства.

Именно в связи с этим перед победившей революцией неминуемо возник вопрос о совместимости национального государства, каковым к 1979 г. был Иран, с основами миропонимания ислама, где все равны перед Аллахом, а потому нет различия между людьми по национальному или территориальному признаку.

Поиск приемлемого решения был дополнительно осложнен государственной политикой предшествующего периода, делавшей ставку на доисламские культурные традиции Ирана («арийское наследие») и введение повсеместного обязательного использования языка фарси. Вследствие этого Исламская революция неминуемо должна была дистанцироваться как от постулирования опоры на «арийское наследие» (что вполне объяснимо с точки зрения мусульманского сознания), так и от принудительной фарсизации всех жителей многонациональной страны.

Исходя из вышеизложенного, вполне естественно, что ставшие во главе Исламского государства духовные лидеры сделали ставку на Коран и иранское историческое наследие мусульманского периода.

Прежде всего, все важнейшие политические институты в стране были заменены на исламские с опорой на духовный авторитет исламских ученых и правоведов, имеющих право толковать Коран [2, с. 163–166].

Конечно, мусульманские авторитеты не могли не признавать, что сведение всех видов самоидентификации людей к религиозной (умме) неминуемо означало бы обращение не только к идеям единства мира Божьего (составлявшим, например, существенную часть основ мировоззрения аль-Бируни), но и их политической составляющей: халифата или единого султаната (как, например, при Газневидах или сельджуках) [3]. Это признавал в своем политическом завещании и сам имам Хомейни [4, с. 369–370]. Но первоочередной задачей Революции 1979 г. было построение исламского государства в отдельно взятой стране – Иране. При этом следовало учитывать, что не все народы Ирана исповедовали ислам, тем более ислам шиитского толка.

Помимо введения исламских институтов государственного управления, существенным шагом на обозначенном пути стал отказ от прямого заимствования или адаптации западных моделей государственного строительства, как это было до революции. Наглядным примером этого выбора стал отказ от того, чтобы считать понятие «*меллат*» адаптированным вариантом западного понятия «нация» как обобщающего термина для всего населения Ирана (т. е. того, что имам Хомейни чаще всего называл «иранский народ»). Вместо этого, аятоллой Мотаххари было предложено самостоятельное понимание, выстроенное на основе толкований коранического «*милла*», которое упоминается 15 раз в различных аятах Корана.

В священной книге ислама это слово употребляется в значении «правильный путь, продиктованный Аллахом», что практически делает его синонимом слову «вера» («*дин*»), с той лишь разницей, что слово «*милла*» имело привязку к пророческой миссии какого-то конкретного божественного пророка (например, *меллат* Авраама) [5, с. 270–272]. Таким образом, слово «*меллат-е Иран*» следовало понимать не столько на европейский манер как «иранская нация», сколько как ««правильный путь иранского народа, продиктованный Аллахом».

Этот путь не ограничен ни учением ислама, ни элементами доисламской культуры, но сочетает как древнее наследие, так и инокультурные заимствования и влияния, которые оказывают положительное воздействие на народ. Так, например, сам ислам пришел из-за пределов Ирана, но стал историческим выбором иранского народа [6, с. 17–19]. Такого же понимания придерживался и первый глава Исламского государства имам Хомейни.

В этом случае самоидентификация принадлежащего к Иранскому народу определяется, прежде всего, как «житель Ирана, следующий по пути, предначертанному Аллахом». К этому следует добавить еще признание прав на исповедание другой религии и на сохранение национального языка (включая использование фарси для исламских проповедей).

Как ни удивительно, такое понимание имеет, в основе своей, довольно глубокие исторические корни, весьма поверхностно связанные с традициями западной цивилизации.

Для наглядности представим сравнение «меллат-е Иран» с другими историческими моделями самоидентификации, существенными для настоящего случая (таблица 1).

Таблица 1

Сравнение «меллат-е Иран» с моделью самоидентификации, предложенной Абу Рейханом аль-Бируни в труде «Индия» [7, с. 64–70]

Критерий самоидентификации	Модель аль-Бируни	«Меллат-е Иран»
общая религия	+	+
общий язык	–	–
общая территория	+	+
общая история	+	+
общий календарь	+	+
общие обычаи и ритуалы	+	–
общий богослужебный язык	+	–

Как видно из таблицы 1, предложенные в «меллат-е Иран» критерии самоидентификации в значительной степени совпадают с идеями аль-Бируни (т. е. с идеями X–XI вв.). Это можно считать вполне естественным следствием опоры авторов «меллат-е Иран» на текст Корана. Очевидное различие наблюдается только лишь в вопросе богослужебного языка и признании права на культурную автономию, что, как представляется, вполне истекает из шиизма создателей концепции «меллат-е Иран».

Однако нам представляется целесообразным заглянуть еще глубже, и сравнить «меллат-е Иран» с древними самоидентификациями, а именно с ветхозаветным *עַם* (*gōy*), которая стала основой последующей западной национальной самоидентификации, и ригведийским *ārya* – одной из древнейших известных самоидентификации, не связанных с библейской традицией (таблица 2).

Таблица 2

Сравнение «меллат-е Иран» с ригведийским *ārya* [8, с. 64–103]

Критерий самоидентификации	Ригведийский <i>ārya</i>	«меллат-е Иран»
общая религия	+	+
общие обычаи и ритуалы	+	–
объединяются в определенное сообщество	+	+
воюют против всех остальных за богатство и землю с помощью ритуалов	+	–
происхождение от общего предка	–	–

Критерий самоидентификации	Ригведийский <i>ārya</i>	«меллат-е Иран»
общая территория	–	+
общий язык	–	–

Таблица 2 достаточно наглядно показывает, что отличие критериев двух рассмотренных моделей значительней, чем в случае с аль-Бируни. Тем не менее, если рассматривать направление развития «меллат-е Иран», предполагаемое, например, в «Политическом завещании» имама Хомейни, то можно прийти к следующим заключениям. Уже упомянутая выше идея всеобщей уммы, вполне вероятно, приведет к тому, что обычаи и ритуалы станут общими для всех иранцев, ритуальная война обретет характер мирного обращения неверных, а вопрос об общей территории отпадет сам собой. Т. е. древняя арийская модель является своеобразным вариантом дальнейшего развития «меллат-е Иран».

К сказанному следует добавить, что опора на религию и закрепление высших государственных должностей за мусульманскими авторитетами и законодателями также очень близко стоит к идеям построения древнейшего государственного устройства Индии – *rāṣṭra* [8, с. 197–216].

Несколько иная картина видится при сравнении «меллат-е Иран» с ветхозаветным *ethnos* (*gōy*), существовавшим как самоидентификация народа Авраама, Исаака и Моисея (таблица 3).

Таблица 3

Сравнение «меллат-е Иран» с ветхозаветным *ethnos* (*gōy*) [см. 8, с. 64–103]

Критерий самоидентификации	Ветхозаветный <i>ethnos</i>	«меллат-е Иран»
общая религия	+	+
общие обычаи и ритуалы	+	–
объединяются в определенное сообщество	+	+
воюют против всех остальных за богатство и землю с помощью ритуалов	–	–
происхождение от общего предка	+	–
общая территория	возможно	+
общий язык	возможно	–

Таблица 3 достаточно наглядно показывает, что отличие критериев двух рассмотренных моделей значительней, чем в случае с аль-Бируни. Главным препятствием для отождествления этих самоидентификаций является вопрос происхождения от общего предка, невозможного для многонационального государства. Вторым препятствием на этом пути является допущение общего для всего иранского народа языка, поскольку попытка реализации

такого варианта в Иране до 1979 г. вызвала довольно резкое отторжение в стране.

Сказанного вполне достаточно, чтобы не вести дальнейших дискуссий о том, почему адаптация западной модели национальной идентификации для Ирана является более искусственной, чем «*меллат-е Иран*».

Из всего сказанного представляется возможным заключить следующее.

1. Вопросы самоидентификации являются для жителей Ирана первостепенными уже не одну тысячу лет, начиная с древности, когда и сложился индоиранский мир, и оставаясь таковыми во на рубеже I и II тысячелетий нашей эры.

2. Концепция «*меллат-е Иран*», предложенная руководством Исламской Республики Иран, включая имама Хомейни, имеет глубокие исторические корни не только в Иране, но и в Азии в целом.

3. «*Меллат-е Иран*» гораздо ближе к древней модели самоидентификации *ārya*, чем к ветхозаветной *ethnos* (*gōy*) и производной от нее национальной западной.

4. Существующая модель государственного устройства Исламской Республики Иран, реализованная под руководством имама Хомейни, имеет известное сходство с древнеиндийским *rāṣṭra*, вследствие чего принципиально отличается от моделей, сложившихся в рамках политогенетических процессов, имевших место в истории цивилизации Запада. Однако этот вопрос требует дополнительного изучения.

Список использованных источников

1. Галкина Е. С. Становление нации и пути национализма в Иране / Е. С. Галкина // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2011. – № 32. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-natsii-i-puti-natsionalizma-v-irane> (дата обращения: 23.11.2014).

2. Имаков, Т. 3. Хомейнизм – идеология политического ислама / Т. 3. Имаков, С. А. Семедов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – Вып. № 4. – С. 162–170.

3. Перзашкевич, О. В. К вопросу о геополитических взглядах Низам аль-Мулька (по материалам карты мира аль-Бируни) / О. В. Перзашкевич // Литература и культура в эпоху сельджуков: материалы Междунар науч. конф., Ашгабат, марта 2009 г. / Национальный культурный центр «Мирас». – Ашгабат, 2009. – С. 407.

4. Религиозное и политическое завещание имама Хомейни // Имам Хомейни. Путь к свободе (Речи и завещание). – Москва: Плея-Мишин, 1999. – С. 295–374.

5. Гибадуллин, И. Р. Мортаза Мотаххари и идеология иранского национализма / И. Р. Гибадуллин // Нации и национализм на мусульманском Востоке / отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульянов; Институт востоковедения РАН. – Москва: ИВ РАН, 2015. – С. 265–277.

6. Мутаххари, Муртаза. Иран и ислам: история взаимоотношений / пер. с перс., примеч. М. Махшулова. – Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение», 2008.

7. Бируни, Абу Рейхан. Индия / Абу Рейхан Бируни; пер. с араб. А. Б. Халидов, Ю. Н. Завадский. – 2-е изд. – Москва: Ладомир, 1995.

8. Перзашкевич, О. В. Ригведийское жречество / О. В. Перзашкевич. – Минск: БГУ, 2014.

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

A. A. Приборович

Белорусский государственный университет, Минск

A. Priborovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 930.2

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1926 ГОДА В БССР: ОРГАНИЗАЦИЯ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

POPULATION CENSUS OF 1926 YEAR IN THE BSSR: ORGANIZATION AND STATISTICAL FORMS

Автор статьи характеризует Всесоюзную перепись населения 1926 г. с целью выяснения особенностей её организации в СССР и в том числе на территории БССР. В статье объяснено значение основных статистических форм переписи.

Ключевые слова: население; перепись; БССР; СССР; 1926 год; статистические формы (формуляры).

The author of the article characterizes the All-Union Population Census of 1926 with the aim of clarifying the features of its organization in the USSR and, in particular, on the territory of the BSSR. The article explains the significance of the main statistical forms of the census.

Keywords: population; census; BSSR; USSR; 1926 year; statistical forms.

Демографическая перепись имеет важное значение в изучении истории Беларуси и её населения по нескольким причинам. Во-первых, перепись позволяет собрать единые сведения о численности жителей, их возрасте, социальной и этнической структуре. Собранные статистические сведения во время переписи позволяют историкам анализировать динамику изменений в обществе, отслеживать перемещение населения, численность населения, а также изменения в семьях на протяжении ряда поколений. Во-вторых, переписи позволяют изучать важнейшие социально-экономические показатели общества, такие как уровень образования, сферу занятости и условия труда. Третье, переписи фиксируют изменения социальной структуры общества, вызванные влиянием ряда экономических, политических или природных факторов.